

Она судорожно сжимала шёлковое одеяло, холодный пот смешивался со слезами, пропитывая виски и пряди волос. Отчаяние рухнувшего рода, боль от несправедливых обвинений против отца, безопасность ребёнка под сердцем — тройное испытание терзало её, оставляя лишь ниточку едва теплящегося дыхания, и каждая схватка казалась способной разорвать её тело пополам.

Юнчжэн, узнав о происходящем, примчался к покоям и стоял у входа, нахмутив брови. Его гневало неповиновение семьи Чжэнь, но он помнил и о носившемся под сердцем императорском потомстве. Глухим голосом он приказал: «Приложите все силы, спасите их! И мать, и ребёнок должны остаться в живых».

Лекарь Ван опустился на колени с докладом, его голос дрожал: «Ваше Величество! Нынче у наложницы Вань внезапный испуг, ци и кровь потекли вспять, предлежание плода неправильное, роды крайне опасны!»

Целых три часа мучений, крики боли внутри покоев постепенно стихали. Лишь когда сумерки заволокли оконные переплёты, слабый, едва слышный детский плач наконец прорезал мёртвую тишину.

Повитуха, покачиваясь, вынесла пелёнку, опустилась на колени с поклоном, её лицо было белым как мел: «Ваше Величество, наложница Вань родила принца, только... только принц родился недоношенным, дыхание слабое, тельце хрупкое и сухопарое, боюсь... выходить его будет чрезвычайно трудно».

Юнчжэн откинул пелёнку и увидел, что младенец на руках иссохший и хилый, плачет еле слышно, личиком сморщился, совсем не похожий на здорового новорождённого ребёнка. На сердце у императора шевельнулось сложное чувство, он махнул рукой и велел кормилице унести мальчика в боковую комнату для тщательного ухода.

Шагнув в покои, Чжэнь Хуань распростёрлась на постели. Лицо её было белым как бумага, дыхание едва уловимо. Увидев императора, она залилась слезами и в изнеможении взмолилась: «Ваше Величество, моего отца оклеветали! Умоляю Вас, рассудите всё по справедливости, пощадите клан Чжэнь...»

Юнчжэн смотрел на её заплаканное, осунувшееся лицо, и перед глазами встала хрупкая Чуньюань перед смертью. Однако в этом деле не было ни малейшего шанса на поворот вспять.

— Чжэнь Юаньдао пошёл против воли государя, улики неоспоримы, Мое решение окончательно. Отдыхай как следует, больше об этом ни слова.

Холодность императора окончательно разрушила последнюю надежду Чжэнь Хуань. Она закрыла глаза, и слёзы беззвучно покатились по щекам, а на сердце царила лишь мертвящая зима.

Аромат лекарств в Беседка Осколков Нефрита клубился с утра до ночи. Чжэнь Хуань после родов лежала в постели, её лицо измождено и бледно как бумага.

Седьмой принц в пелёнке дышал слабо, кормилица день и ночь дежурила рядом, не смея расслабиться ни на мгновение, боясь, что с этим слабым от рождения ребёнком что-нибудь случится. В конце концов болезненного малыша удалось выходить.

Весть о том, что весь род Чжэнь сослан в Нингута, уже облетела все шесть дворцов. Прежние услужливые наложницы и евнухи теперь разбегались кто куда, боясь и близко подойти, и в некогда просторной Беседке Осколков Нефрита остались лишь Цзинь Си да несколько верных слуг, отчего здесь стало пусто и холодно, как в забытом Холодном дворце.

Три дня спустя Императрица лично прибыла в Беседку Осколков Нефрита. На её лице играла улыбка, она неспешным шагом подошла к ложу, перевела взгляд на младенца в пелёнке и мягко произнесла:

— Наложница Вань успешно разрешилась от бремени принцем, только вот младенец родился хрупким, ему необходим самый лучший уход. Ты ныне переживаешь крушение семьи, на душе тяжесть, боюсь, тебе не под силу его воспитывать. Я, занимая место хозяйки среднего дворца, по долгу службы должна взять на себя заботу об августовском потомстве. Почему бы не передать Седьмого принца на воспитание мне? Уж я-то позабочусь, чтобы он рос в безопасности и здравии.

Эти слова, казалось бы, выражали заботу, но на деле были грабежом среди пожара. Чжэнь Хуань пластом лежала на постели, её ногти едва не впивались в плоть, но она не могла произнести в ответ ни единого слова протеста.

Клан Чжэнь пал, она лишилась всякой опоры и в этом гареме была лишь ряской на воде, которой помыкали все кому не лень, не имея возможности защитить собственного ребёнка.

Императрица отправила Хуэйчунь во Дворец Янсинь спросить воли Императора, и Юнчжэн, немного подумав, дал согласие.

Седьмой принц слаб и требователен в уходе, Императрица же занимает пост хозяйки дворца, её довольствие и возможности неизмеримо превосходят опальную Чжэнь Хуань, к тому же это позволило бы успокоить Вдовствующую императрицу. Император взял кисть и лично даровал принцу имя Хунъань — в надежде, что этот единый иероглиф принесёт мальчику жизнь без бед и напастей, спокойное существование.

Когда кормилица, прижимая к груди Хунъаня, повернулась и ушла из поля зрения Чжэнь Хуань, та наконец не выдержала и горько заплакала.

Родного сына отняли, семья оклеветана и сослана в края сурового холода, а милость, за которую она боролась всеми силами души, оставила лишь выжженное поле перед глазами. Все

обида взметнулась бурей в глубине души, превращая в пыль последние остатки нежных чувств.

Превозмогая послеродовую слабость в ногах, при поддержке Цзинь Си шаг за шагом доковыляв до Дворца Янсинь, она застала Юнчжэня за императорским столом за разбором докладов. Подняв глаза и заметив её измождённый вид и простое простолюдинское платье без украшений, он сперва смягчился в лице, а в тоне его прозвучала редкая мягкость:

— Тело еще не окрепло, зачем пришла?

Он встал, подошел к ней, и в голосе звучали нотки намеренно сдерживаемого уговора:

— Дело Чжэнь Юаньдао — следствие его прямоты и неповиновения, рассердивших двор. Хотя Я и вынес приговор, истреблять род до конца не собирался. Возвращайся с миром во дворец отдыхать, а Хуньяня воспитывает Императрица. Как только твое душевное состояние придет в норму, Я верну ребенка к тебе, хорошо?

Он действительно испытывал к ней некоторую привязанность. Черты лица и нрав Чжэнь Хуань то и дело будили в нем тоску по Чуньюань, и даже после преступления семьи Чжэнь он не помышлял отбросить ее совсем.

Но для Чжэнь Хуань эти легковесные слова звучали верхом нелепости:

— Речи, которыми Ваше Величество утешает меня, звучат слишком легко. Мой отец сослан в края лютого холода, и неизвестно, жив ли он; родного ребенка оторвали от груди и отдали в чужие руки. Вся эта дворцовая мышиная возня от начала и до конца решается одним словом Вашего Величества. Как я могу обрести покой?

Брови Юнчжэня слегка сошлись на переносице, он попытался убедить её вновь, сдерживая терпение:

— Я знаю, что ты обижена, но государственные дела не терпят вмешательства гарема. Живи спокойно во дворце и отдыхай, Я, разумеется, не обижу тебя.

— Спокойно? — Чжэнь Хуань подняла глаза, во взгляде больше не осталось ни капли прежней кротости и мягкости, лишь горькая обида. — Я жила спокойно, почитала Вашего Величества, верила Вам — и чем отплатили мне? Тем, что моего отца оклеветали и не дают смыть позор, тем, что мой род рассеян по чужбинам, тем, что моего кровного ребёнка отняли в самый час рождения! То, что Ваше Величество называет справедливостью, — это вот так втоптать меня в грязь, а потом бросить вдогонку пару пустых слов?

Каждый её вопрос бил в цель, каждая фраза сочилась ядом, растеряв былую почтительность.

Терпение Юнчжэня и без того имело пределы, и прежние мягкие слова дались ему с трудом; теперь же, столкнувшись с таким дерзким отпором, его лицо постепенно помрачнело:

— Чжэнь Хуань, Я помню о твоей слабости после родов и не свожу с тобой счётов, не заходи слишком далеко.

— Захожу слишком далеко? — Чжэнь Хуань рассмеялась сквозь слёзы, и капли упали на голубой кирпич пола. — Я не смею. Я прошу лишь об одном: милостиво позвольте мне покинуть дворец, уйти в буддийский храм, постричься в монахини, молиться о здравии Вашего Величества и искупать грехи семьи Чжэнь, и с этого дня я больше ни шагу не ступлю в императорский дворец!

Чем более решительной она была, тем сильнее задевала больную струну Юнчжэня.

Он — владыка девяти провинций, перед которым все всегда склоняли головы и внимали каждому слову, и никто еще не осмеливался так раз за разом перечить ему. Прежняя нежность полностью стерлась от череды этих дерзких ответов, оставив лишь глухое раздражение.

Юнчжэн резко схватил ее за запястье с такой силой, что казалось, вот-вот сожмет кости в крошево, а в глубине его глаз заledenел могильный холод. Слова, которые он так долго сдерживал в сердце, наконец вырвались наружу:

— В монахини? Покинуть дворец? Ты и вправду возомнила себя важной персоной? Чжэнь Хуань, скажу тебе прямо: Я баловал и возвышал тебя вовсе не потому, кем ты являешься, а потому, что это твое лицо чем-то напоминает мне Чуньюань! Если бы не это лицо, чем бы ты отличалась от остальных?!

Чуньюань.

Эти два слова вонзились прямо в сердце Чжэнь Хуань, превращая в пыль последние остатки её грёз.

Она оцепенела на месте и лишь спустя долгое время горько и жалко рассмеялась:

— Вот оно как... Оказывается, от начала и до конца я была лишь заменой, лишь тенью... Должна же я была быть настолько глупой, чтобы принимать фальшивую милость за опору на всю жизнь... Чувства Вашего Величества поистине смехотворно дешевы.

Смех женщины разжигал в груди Юнчжэня огонь ярости, а воспоминание о Чуньюань заставляло его больше не желать видеть это лицо — столь похожее и столь раздражающее. Он рывкнул:

— Раз душой ты стремишься к Будде, то незачем уходить далеко! В Зале Баохуа царит покой; с

этого дня ты затворена в Зале Баохуа, чтобы молиться с обстриженными волосами!

Внутри Дворца Цзинжэнь Седьмой принц Хунъань был укутан в пелёнки: дыхание его, хоть и слабое, оставалось ровным и спокойным.

Императрица И Сю сидела у ложа, и сердце её, висевшее на волоске все эти дни, наконец опустилось на место. Клан Чжэнь повержен и сослан в Нингута, Чжэнь Хуань заточена в Зале Баохуа — это с таким трудом добытое императорское дитя теперь крепко зажато в её руках.

Имея при себе Хунъаня, да еще и статус Императрицы, чего ей бояться, даже если у Ань Линжун есть Шестой принц Хунъюй и императорская милость на пике?

Цзянь Цю тихими шагами вошла во внутренние покои, с трудом скрывая радость на лице, и доложила приглушённым голосом:

— Матушка, Внутреннее ведомство только что доставило довольствие для Седьмого принца, всё снаряжено по нормам законного первородного сына. Император также специально распорядился, чтобы лекари Императорской больницы ежедневно приходили проверять его пульс, приказав непременно вырастить маленького принца крепким и здоровым.

Императрица опустила взгляд на Хунъаня и тихо произнесла:

— Я ждала этого дня слишком долго. Раньше все надежды возлагались на Третьего принца Хунши, но Император перекрыл мне дорогу; теперь же у меня есть Хунъань, и никто больше не посмеет отнять его у меня.

Не успели замереть её слова, как снаружи раздался частый, сбивчивый топот ног. Придворный евнух из Дворца Шоукан кубарем влетел внутрь, рухнул на колени и забил поклон, а голос его трясся так, что слова срывались:

— Императрица! Беда! Вдовствующая императрица внезапно потеряла сознание во Дворец Шоукан! Лекарь Ван проверил пульс и говорит... говорит, пульс сбился, масло в лампах догорело!

Она резко вскочила на ноги. Клан Уланара мог уверенно удерживать позиции среднего дворца, а она сама — годами вершить судьбы гарема исключительно благодаря этой опоре в лице Вдовствующей императрицы.

Стоило Вдовствующей императрице пасть, и больше некому было бы заслонять её от императорских подозрений и защищать её безопасность.

— Немедленно во Дворец Шоукан! — Императрица подавила волнение в сердце и резко отдала приказ. У нее даже не было времени поправить сложную прическу — сменив наряд на простую

одежду, она поспешила во Дворец Шоукан.

Весть облетела все шесть дворцов. Благородная супруга Дуань, благородная госпожа Цзин и все прочие имевшие титул наложницы поспешили во Дворец Шоукан нести дежурство у постели больной.

В Дворце Юншоу Ань Линжун поручила заботу о Шестом сыне Хуньюе надежной кормилице и вместе с Цин Лань отправилась во Дворец Шоукан.

В самом Дворце Шоукан уже царил полный беспорядок, впрочем, порядок в этом хаосе всё же соблюдался. Слуги с чашами лекарств и горячими полотенцами сновали туда-сюда, лица у всех были мрачными.

Густой запах лекарств смешивался с ароматом сандала, наполняя каждый уголок и не давая вздохнуть полной грудью.

Императрица вбежала в покои первой и увидела Вдовствующую императрицу, лежащую на мягкой тахте, застеленной ярко-жёлтой парчовой простыней, с закрытыми глазами и серым от пепла лицом. Толпа наложниц следовала за ней по пятам, дружно опустившись на колени перед ложем, склонив головы и затаив дыхание; в комнате воцарилась такая тишина, что было слышно лишь слабое дыхание Вдовствующей императрицы.

— Встаньте все, — Императрица делала вид, что сохраняет хладнокровие, и взмахом руки велела остальным подняться. — Вдовствующая императрица внезапно лишилась чувств, и наш долг как наложниц — преданно ухаживать за ней, нести круглосуточную стражу и не сметь проявлять ни малейшей небрежности.

Тут же были установлены правила: Императрица лично оставалась в главных внутренних покоях, благородная супруга Дуань и благородная госпожа Цзин дежурили в первую половину ночи, Ань Линжун и еще несколько наложниц высокого ранга — во вторую, а младшие рангом ждали под навесом во дворе, готовые в любой момент исполнить приказание.

С этого момента внутри и снаружи Дворца Шоукан виднелись лишь белые одежды. Пиалы с лекарствами вносили одну за другой и точно так же выносили нетронутыми; Вдовствующая императрица оставалась без сознания и не могла проглотить даже поднесённые к губам капли отвара.

Два дня подряд состояние Вдовствующей императрицы ухудшалось. Время от времени она ненадолго приходила в себя, мутным взглядом обводя присутствующих в покоях, но у нее не оставалось сил даже вымолвить слово; затем она вновь погружалась в глубокое забытие, а дыхание становилось всё более поверхностным, а пульс — тоньше паутинки.

Лекарь Ван проверял пульс по несколько раз на дню, и каждый раз, выходя, лишь качал головой и вздыхал, опускаясь на колени перед Императором с докладом: «Ваше Величество, у

Вдовствующей императрицы исчерпаны жизненные силы, пять органов увяли, и хотя мы испробовали лучшие лекарства, но... вернуть ее с того света невозможно».

Он быстрым шагом подошел к ложу, отстранил стоявшую на коленях Императрицу, легонько сжал высохшую руку Вдовствующей императрицы, и в глубине его глаз впервые промелькнула растерянность и паника.

— Матушка! — Голос Юнчжэня был хриплым, с нотками скрытой тревоги. — Я пришел навестить Вас, очнитесь.

Почуввав голос правителя, ресницы Вдовствующей императрицы чуть дрогнули, и она медленно открыла глаза. Она обвела взглядом заполнивших покои коленопреклонённых наложниц и наконец остановила его на Юнчжэне, собирая последние силы для каждого слова:

— Император... я... ухожу.

— Матушка, не говорите глупостей, — Юнчжэн задавил подступивший к горлу ком, глухим голосом произнес: — В Императорской больнице служат лучшие лекари, они непременно поправят ваше здоровье, вам еще смотреть, как я укрепляю империю, как растут внуки.

Вдовствующая императрица легко покачала головой, и уголки ее губ изогнулись в горькой улыбке — она слишком хорошо знала собственное тело: масло догорело, вернуть ее с того света не получится.

— Император... у меня есть лишь одно желание... позволь мне повидать Четырнадцатого...

Четырнадцатый князь Инчжэнь был младшим сыном, которого Вдовствующая императрица вскормила сама, самым дорогим её сердцу ребёнком.

После борьбы девяти принцев за престол Юнчжэн взошел на трон и заточил этого родного по матери брата в мавзолее Цзинлин без права когда-либо возвращаться в столицу. Вдовствующая императрица всю жизнь переживала за этого младшего сына, и её единственным навязчивым желанием перед смертью было увидеть его в последний момент.

Юнчжэн сжал руку Вдовствующей императрицы с такой силой, что нежность в его глазах моментально испарилась, сменившись жесткостью и подозрительностью государя. Он помрачнел, и тон его не допускал возражений:

— Матушка, заточение Четырнадцатого в Цзинлин — это правило, установленное покойным Императором, и моя воля. Он сговаривался с Восьмым князем, покушался на престол, сеял смуту в государстве — разве можно его просто так отпустить? Отдыхайте спокойно, матушка, не забивайте себе голову этими делами двора, я буду рядом с вами в ваши последние часы.

— Ты! — Вдовствующую императрицу от гнева задело в груди, дыхание резко участилось, и в глазах вспыхнул огонь ярости. — Он твой родной брат! Мой родной сын! Ты даже в последнем желании мне отказываешь? Император, до чего же ты жесток! Ты и родного брата не пощадил, в будущем непременно всех оттолкнешь и останешься в одиночестве!

Эти слова, звучавшие как проклятие, были обращены к собственному сыну.

— Матушка! — рявкнул Юнчжэн, в голосе клокотал сдерживаемый гнев. — До сих пор в вашем сердце лишь Четырнадцатый! Когда я взошел на престол, ради величия клана Ухия и спокойствия клана Уланара вы избавились для меня от Лункодо, уберегли меня от дурной славы, и я благодарен вам. Но вы никогда не считали меня родным сыном! В ваших глазах был лишь Четырнадцатый!

Его с детства воспитывала мадам Тунцзя, и он никогда не ощущал тепла материнского тепла рядом с биологической матерью.

Вдовствующая императрица любила его лишь потому, что он был Императором Великой Цин, пешкой для поддержания семейного величия, тогда как Четырнадцатому доставалась вся материнская любовь, чистейшая любовь матери и сына, какая бывает в простых семьях. Эта предвзятость десятилетиями жгла его сердце, превратившись в незаживающий шрам.

Вдовствующая императрица от его слов лишилась дара речи, тяжесть в груди стала невыносимой. Она глядела на этого холодного и жесткого сына перед собой, вспоминая заточенного младшего сына, и слёзы медленно текли из уголков глаз, капля за каплей падая на цветастый матрас и расплываясь небольшим влажным пятном. Она открыла рот, силясь что-то сказать, но комок в груди окончательно застрял, не позволяя вздохнуть.

Голова Вдовствующей императрицы слегка склонилась набок, рука, свесившаяся с ложа, безвольно обвисла, а то самое едва уловимое дыхание оборвалось навсегда.

— Матушка!

Слова скорби вырвались из груди Юнчжэня, но в них не было разрывающего душу крика — лишь опустившаяся на самое дно мёртвая тишина.

Покой мгновенно взорвались громким плачем. Императрица пала ниц и зарыдала навзрыд, содрогаясь всем телом. Наложницы прикрывали лица рукавами и склонили головы в слезах.

Императрица прекрасно понимала намерения государя и знала, что сейчас Юнчжэнь захочет остаться с телом Вдовствующей императрицы наедине. Утирая слёзы, она поднялась и тихим голосом обратилась к остальным:

— У Императора есть сокровенные слова для Вдовствующей императрицы, давайте выйдем

наружу и подождем, не будем тревожить Его Величество.

Толпа не посмела послушаться, все поднялись и на цыпочках покинули спальню, прикрыв тяжелые двери.

В огромных покоях остался лишь Юнчжэн. Он стоял у тела матери, отгородившись от всего шума и суеты.

Больше он ничего не говорил — лишь медленно опустился на колени перед ложем, сбросив с себя императорское величие и превратившись в одинокого ребёнка, потерявшего мать.

Долгое время спустя он тихо затянул мягкую детскую колыбельную:

— Засыпай скорей, вырастай скорей, натяни тугую тетиву лука...

Голос его постепенно хрипел, неся в себе подавляемые годами обиду и холод, и слёзы наконец сорвались с ресниц.

— Матушка, — всхлипывая, прошептал он, и каждое слово сквозило вьёвшимся в кости сожалением. — Такую песню, которой укачивают детей, вы за всю жизнь... так ни разу мне и не спели.

Он — владыка девяти провинций, которому принадлежит вся бескрайняя поднебесная и власть над жизнью и смертью, но которому так и не довелось услышать материнскую колыбельную.

Пение постепенно растворилось в тишине покоев, оставив лишь тяжёлый вздох императора, повисший в каждом уголке Дворца Шоукан.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем двери покоев медленно отворились. Юнчжэн вышел наружу, и лицо его вновь обрело прежнее величие, словно того одинокого и плачущего ребёнка никогда и не существовало.

— Передайте Мою волю.

Вдовствующая императрица скончалась. Страна скорбит, дела прекращаются на три дня, князья и чиновники всех рангов обязаны явиться во Дворец Шоукан для прощального плача. Погребальные обряды провести по правилам для Императрицы-матери, не допуская ни малейшей небрежности.

Поминальный колокол Дворца Шоукан разорвал тишину Запретного города, и его тяжелые удары разносились среди красных стен и золотых черепичных крыш, возвещая об уходе вдовствующей императрицы Великой Цин.

Императрица в траурных одеждах лично распоряжалась церемонией прощания. Она из последних сил держалась на ногах...

Поминальная музыка по случаю кончины Вдовствующей императрицы целыми днями оглашала пространство Запретного города, белые полотнища траура покрыли дворцовые стены и переходы.

Завершив государственные дела и хлопоты по устройству траурных церемоний, Юнчжэн почувствовал, как необъяснимая пустота и горечь в сердце разрастаются с новой силой.

Он больше не хотел возвращаться в просторный и холодный Дворец Янсинь и, шагнув в сторону, сам не заметил, как направился к Дворцу Юншоу.

Шестой принц Хуньюй уже умел барахтаться на мягком мате, и кормилица бдительно дежурила рядом.

Увидев прибывшего императора, Ань Линжун поспешно повела слуг встречать его. На ней было простое придворное платье без жемчугов и нефрита, лишь серебряные украшения, отчего она казалась еще более мягкой и приветливой, чем в будни.

— Отчего Ваше Величество пожаловали? — Ань Линжун поднялась и поддержала его за руку, кончиками пальцев ощутив напряжение в его плечах, и сразу поняла, как сильно он вымотался за эти дни.

Юнчжэн ничего не ответил, лишь взмахнул рукой, велел всем удалиться. В следующее мгновение в покоях остались лишь он сам, Ань Линжун да мирно спящий на ложе Хуньюй.

Он неспешным шагом подошел к кровати и, глядя на умиротворённое личико младшего сына, немного расслабил свои привычно жёсткие черты.

— Матушка ушла, — внезапно вымолвил он низким голосом, в котором звучала накопленная за эти дни нерастраченная усталость. — В этом дворце больше не осталось никого... кто видел бы во мне сына простой семьи.

Ань Линжун молча стояла рядом, не вмешиваясь, лишь кротко глядя на него.

Юнчжэн воспитывался у благородной госпожи Тунцзя, и пропасть между ним и биологической матерью была огромна; Вдовствующая императрица всю жизнь благоволила Четырнадцатому, а к нему относилась лишь по суровым правилам государя и подданного, обделив материнским теплом. Теперь же, с уходом Вдовствующей императрицы, оборвалась даже эта далёкая и отчуждённая родственная связь.

— Всю свою жизнь я боролся за престол, восходил на трон, усмирял северо-запад, искоренял

негодяев — я добился всего, всё держу в своих руках, — Юнчжэн медленно прикрыл глаза, не скрывая открытой уязвимости в тоне. — Но в конце концов... мне так и не довелось услышать материнскую колыбельную.

За всю свою жизнь он познал трепет, подчинение, лесть, и лишь одного ему не досталось — бескорыстной, ничем не замутненной родительской любви.

Ань Линжун мягко шагнула вперёд — без излишней напускной нежности, но с самой надёжной поддержкой встала рядом с ним, и голос её звучал плавно, как тёплая вода, постепенно разглаживая трещины в его сердце:

— Ваше Величество, Вдовствующая императрица всю жизнь трудилась ради рода и государства. Ее строгость к Вашему Величеству происходила не от отсутствия любви, а от страха проявить ее. Путь государя и без того одинок — она боялась, что секундная слабость разрушит Вас и погубит Великую Цин.

Рука Юнчжэня, опущенная вдоль тела, едва заметно дрогнула.

— Вдовствующая императрица ушла, но Ваше Величество не одиноки, — Ань Линжун подняла глаза, её взгляд был чистым и твёрдым, и она легко указала на лежащего на тахте Хунъюя. — У Вашего Величества есть Хунъюй, есть я.

<http://bllate.org/book/21976/2283857>